КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го декабря. № 24. 1866 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Содержаніе: а) Рѣчь на панихидѣ. б) Кіевъ въ борьбѣ съ Уніею. в) Воскресная школа при кіевской семинаріи. г) Извѣстія. д) Объявленія.

РѢЧЬ,

НА ПАНИХИДѢ

ПО Н. М. КАРАМЗИНѢ.

Декабря 1, 1866 года.

Нынѣшнее торжество, наше—торжество, по видимому, мірское, а не церковное; но, положивши начать его богослуженіемъ церковнымъ, мы не дѣлаемъ ничего несообразнаго, напротивъ, начинаемъ праздникъ нашъ тѣмъ, чѣмъ и должно было начать его.

Мы хотимъ почтить память человѣка, оказавшаго незабвенныя услуги русскому слову и русской наукѣ; но прежде чѣмъ вспоминать заслуги его какъ писателя, помянемъ предъ Богомъ имя его какъ человѣка и христіанина,—прежде чѣмъ воздавать честь славному Карамзину, вознесемъ къ Богу искреннія молитвы за раба Божія Николая. Какъ ни высоко цѣнится славная и долгая па-

мять о человѣкѣ въ мірскомъ потомствѣ, но несравненно выше и дороже вѣчная память о немъ въ церкви. А кого нельзя съ искреннею любовію и признательностію помянуть въ церкви, предъ Богомъ, того едвали достойно было бы прославлять въ гражданскомъ обществѣ, предъ людьми!

Таланты—отъ Бога; употребленіе ихъ—въ волѣ человѣка. Всякій талантливый человѣкъ можетъ возбуждать къ себѣ большее или меньшее удивленіе, но только достойно употребляющій свои таланты заслуживаетъ истинное уваженіе и искреннюю признательность. „Невѣрно то удивленіе и безсмертіе, котораго могутъ ожидать произведенія творческаго духа, ибо вкусъ народовъ перемѣняется со временемъ; но честь нравственнаго характера нетлѣнна и непреходяща“: таково было убѣжденіе самаго чуствуемаго нами писателя,—и оно дало такое плодотворное направленіе его дѣятельности, при которомъ онъ столько добра сдѣлалъ для своего отечества, сколько могъ сдѣлать по мѣрѣ своего таланта. Не этимъ ли прежде всего и надобно помянуть славнаго писателя нашего? И не здѣсь ли приличнѣе всего совершить такое поминовеніе ему?

Время, въ которое Н. М. Карамзинъ вступалъ на поприще благородной дѣятельности своей, было крайне неблагопріятно для правильнаго развитія и достойнаго употребленія талантовъ. Тогда по всей Европѣ разливался духъ того вольномыслія, которое волею или свободою называетъ произволъ, а неволею—законъ, которое, отвергая преданіе, вѣру, авторитетъ, думаетъ передѣлать все по своему разумѣнію, и порядокъ исторіи, который есть порядокъ Провидѣнія, замѣнить личными соображеніями. Было нѣчто обаятельное въ этомъ лож-

номъ направленіи, по крайней мѣрѣ—для не твердыхъ умовъ, а еще больше—для ищущей простора чувственности. Говорили о возвращеніи человѣчества къ естественной простотѣ жизни, о возстановленіи общихъ правъ человѣка, о сверженіи ига предразсудковъ, тираніи насилія, рабства физическаго и духовнаго: какъ будто надѣялись воскресить или создать золотой вѣкъ на землѣ! Но на дѣлѣ разрушали только опоры нравственнаго и гражданскаго порядка жизни и открывали просторъ страстямъ человѣческимъ. Не намъ, или по крайней мѣрѣ не здѣсь, разсуждать о значеніи этой эпохи; но, что бы ни говорили о ней, разрушительное направленіе ея оказалось такъ рѣзко, что отрицать его невозможно.

Нравственная зараза времени не могла не коснуться и нашего отечества; тѣмъ болѣе, что она исходила изъ той страны, откуда высшіе слои русскаго общества привыкли получать законы и правила такъ называемой цивилизаціи. Вольномысліе и у насъ находило сочувствіе себѣ и вносило свой ядъ въ общество, едва начавшее знакомиться съ европейскою наукою. И не мало нравственнаго безобразія произвело оно въ этомъ обществѣ. Тѣмъ достойнѣе всегдашняго уваженія и глубокой признательности нашей лица, которыя, среди такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, умѣли сохранить самостоятельность мысли и святую любовь къ истинѣ и развить ихъ до высокихъ добродѣтелей, составляющихъ нравственное сокровище народа. Таковъ былъ и Н. М. Карамзинъ.

Рано почувствовалъ онъ высокое призваніе свое служить дѣлу просвѣщенія своего отечества, и свято уважалъ это призваніе. Не смотря на недостатокъ стро-

го научнаго первоначальнаго образованія, онъ не хотѣлъ довольствоваться тѣмъ, что, при богато одаренной природѣ его, могло даваться ему въ области словеснаго искуства безъ особенныхъ съ его стороны трудовъ и усилій. Онъ не хотѣлъ блестокъ; ему хотѣлось дѣло дѣлать и быть истинно полезнымъ членомъ великой семьи русской.—Какая прекрасная черта въ молодомъ даровитомъ человѣкѣ, готовящемся къ служенію общественному!

Прежде всего онъ старается установить въ душѣ своей твердыя понятія о жизни, объ ея послѣднемъ назначеніи, сознаніемъ котораго опредѣляется все направленіе нашихъ дѣйствій. Для этого, конечно, не зачѣмъ было ходить далеко: высшая истина—Богъ, а Богъ *не далече отъ каждаго изъ насъ: о Немъ бо живемъ, движемся и есмы*. Не за горами нужно искать коренныхъ убѣжденій, составляющихъ основу жизни нашей: умъ и сердце находятъ ихъ въ чистой вѣрѣ, усвояемой не предубѣжденною мыслію, а еще болѣе—не низвращеннымъ чувствомъ. Но въ раскрытіи душевныхъ силъ нашихъ бываетъ періодъ какъ бы невольныхъ колебаній ума между вѣрою въ богооткровенную истину и недовѣріемъ къ самому откровенію. Тогда непостижимое въ откровеніи кажется не довольно вѣрнымъ, высокое—не вполнѣ дѣйствительнымъ, строгое—какъ будто несогласнымъ съ природою человѣческою, обѣщаемое—слишкомъ далекимъ и сомнительнымъ. Такого рода колебанія еще не составляютъ нравственнаго преступленія, потому что они на самомъ дѣлѣ больше или меньше невольны; преступленіемъ становятся они тогда, когда человѣкъ не ищетъ выхода изъ нихъ, или въ разрѣшеніи ихъ руководится не любовію къ истинѣ, а желаніемъ свергнуть съ себя

нравственныя обязательства и законы. „Ищущіе Бога обрѣтутъ Его“, говорятъ тѣ, которые сами прошли путемъ тяжелыхъ сомнѣній и только послѣ многихъ внутреннихъ треволненій достигли мирной пристани вѣры. И такъ нечему удивляться, если человѣкъ, вступая въ періодъ самостоятельной мысли, не находитъ еще въ себѣ крѣпкихъ убѣжденій духовныхъ: честь и слава ему, если онъ искренно и усердно ищетъ ихъ! Въ отношеніи къ нашему писателю, надобно принять во вниманіе и тѣ обстоятельства времени, при которыхъ онъ вступалъ въ самостоятельную жизнь. Духъ времени есть, такъ сказать, нравственная атмосфера, и всякій, кто волею—неволею обращается въ этой атмосферѣ, не можетъ не вдыхать въ себя того, чѣмъ она пропитана, не можетъ и не заражаться, если въ ней много заразительнаго и вреднаго. Только долгъ нравственнаго самосохраненія требуетъ отъ насъ въ подобныхъ случаяхъ крайней осторожности и дѣятельныхъ мѣръ противъ болѣзни, мѣръ всегда, можно сказать, сподручныхъ намъ, потому что онѣ состоятъ во вниманіи каждаго къ своей совѣсти и къ вѣчнымъ истинамъ, которыми искони стоитъ міръ человѣческій. Не мудрено, что въ эпоху широкаго разлитія вольномыслія молодой Карамзинъ почувствовалъ въ себѣ недостатокъ вѣры и опредѣленнаго взгляда на жизнь; но отрадно и поучительно, что онъ не пренебрегъ этимъ чувствомъ или, что еще хуже, не поспѣшилъ изъ него сдѣлать, если можно такъ выразиться, мягкаго возглавія для духовной лѣности и порочной чувственности.

„Друзья мои!“ писалъ молодой путешественникъ изъ Лейпцига, „здѣсь желалъ я провесть юность мою; сюда стремились мои мысли за нѣсколько лѣтъ предъ симъ; здѣсь хотѣлъ я собрать все нужное для исканія

той истины, о которой съ самыхъ младенческихъ лѣтъ тоскуетъ мое сердце... Воображая, какъ я могъ провести тѣ лѣта, въ которыя, такъ сказать, образуется душа наша, и какъ я провелъ ихъ, чувствую горесть въ сердцѣ и слезы въ глазахъ." Прекрасное стремленіе, отрадная грусть и плодотворныя слезы!—Много тогда было путешественниковъ изъ Россіи по разнымъ странамъ Европы; но зачѣмъ они ѣздили, чего искали, о чемъ вздыхали,—увы, объ этомъ едва ли стоило и даже едва ли можно было повѣдать современникамъ и потомству! Между тѣмъ нашъ путешественникъ какъ бы повторяетъ собою примѣръ того библейскаго мудреца, который по собственнымъ словамъ его, *еще юнъ сый, прежде неже странствовати, искалъ премудрости*, и потомъ странствовалъ для ней, обращая міръ какъ бы въ школу искомой мудрости. Двадцатидвухлѣтній Карамзинъ, посѣщая иноземные города, отыскиваетъ въ нихъ прежде всего знаменитыхъ мыслителей и въ бесѣдѣ съ ними желаетъ прояснить для себя занимавшіе душу и сердце его вопросы, и въ лицѣ ихъ жаждетъ видѣть живые образцы просвѣтленной наукою мысли и искушенныхъ опытомъ убѣжденій. Кантъ, Виландъ, Гердеръ, Вейсе и под. лица, свѣтившія тогда въ ученомъ мірѣ, привлекаютъ его къ себѣ и славою своей учености и, еще болѣе, нравственными качествами своими. „Одинъ взглядъ на добраго есть счастіе для того, въ комъ не загрубѣло чувство добродѣтели," писалъ онъ въ сердечномъ удовольствіи отъ обращенія съ ученымъ и добродѣтельнымъ Вейсе. Вообще знакомство съ людьми высокообразованными и вмѣстѣ глубоко нравственными видимо утверждало его въ тѣхъ понятіяхъ и чувствахъ, которыя уже жили въ душѣ его, но подъ

вліяніемъ другихъ понятій и другаго духа не могли получить полной ясности, твердости и силы. Ему нужны были авторитеты науки, какъ нѣчто посредствующее между личною ограниченностію и безусловнымъ авторитетомъ вѣры Отсюда понятно то вниманіе, съ какимъ онъ присматривался къ чертамъ духовнонравственной жизни замѣчательныхъ по просвѣщенію мужей, и то сочувствіе, съ какимъ онъ повторялъ характерическія ихъ изреченія, касающіяся основнаго взгляда на жизнь. Такъ, говоря о Геллертѣ, онъ замѣчаетъ: „жизнь его была сильнѣйшимъ опроверженіемъ мнѣнія тѣхъ людей, которые, находя порокъ во всякомъ уголкѣ сердца человѣческаго, считаютъ добродѣтель за одно пустое имя, и тѣхъ, которые утверждаютъ, что религія не дѣлаетъ людей лучшими. „Всѣмъ, что есть во мнѣ добраго", говаривалъ покойникъ тысячу разъ друзьямъ своимъ, „всѣмъ обязанъ я христіанству." Видно, что это не простая цитата изъ жизнеописанія просвѣщеннаго и добродѣтельнаго человѣка; это—выраженіе духовной радости при встрѣчѣ съ прекраснымъ явленіемъ, подтверждающимъ дорогія и святыя убѣжденія человѣка!

Современники съ восторгомъ читали „письма русскаго путешественника." Конечно, ихъ пріятно поражала самая рѣчь писателя, заговорившаго почти впервые такимъ легкимъ, живымъ, и вмѣстѣ такъ близкимъ къ родной устной рѣчи нашей языкомъ; но какъ бы ни много значило это качество писемъ Карамзина, не одно оно и даже не оно главнымъ образомъ привлекало слухъ и сердце къ молодому отечествнному писателю. Въ его прекрасномъ словѣ выражалось еще болѣе прекрасное чувство истины и добра, и привѣтствуя въ такомъ писателѣ новый блестящій талантъ, соотечественники его

предчувствовали въ немъ одного изъ тѣхъ дѣятелей на поприщѣ мысли и слова, которые достойно могутъ называться воспитателями своего народа.

Не имѣя возможности входить въ дальнѣйшія подробности по нашему предмету, напомнимъ хотя въ общихъ чертахъ о достоподражаемыхъ качествахъ великаго писателя нашего. Положивъ въ основаніе своей жизни и дѣятельности святыя убѣжденія, свойственныя людямъ истинно вѣрующимъ, онъ строго соблюдаетъ долгъ свой, возлагаемый на подобныя лица самыми дарованіями ихъ. Слово его всегда было честно и цѣломудренно. Оно не прикрашивало порока, не облекало въ изящную одежду лжи, не проводило въ общество предзанятыхъ вредныхъ идей, не льстило чувственности, не раздражало страстей. И оно не рознилось съ дѣломъ. Писатель любилъ и ненавидѣлъ то, что изображалъ достойнымъ любви или ненависти; идеалы въ его произведеніяхъ были идеалами его и въ жизни: высокое качество въ лицахъ, призванныхъ служить величайшему дѣлу народнаго просвѣщенія!

Съ именемъ Карамзина нераздѣльно имя историка русскаго государства. Карамзинъ и—*исторія государства россійскаго* всегда вмѣстѣ являются въ памяти нашей. Державный цѣнитель труда русскаго исторіографа сказалъ объ этомъ трудѣ: русскій народъ достоинъ имѣть свою исторію; исторія, написанная Карамзинымъ, достойна русскаго народа:, величественная и вмѣстѣ правдивая похвала не только таланту и трудолюбію, но и нравственнымъ качествамъ писателя! Предоставляя другимъ цѣнить произведеніе его въ научномъ отношеніи, мы, по поводу его, прибавимъ только нѣсколько словъ къ нравственной характеристикѣ писателя. Онъ любилъ Россію какъ сынъ

любитъ мать свою; онъ любилъ ее, когда еще недостаточно понималъ ея свойства и назначеніе; онъ любилъ ее, когда чужеземныя страны могли увлекать его чувство своими видимыми преимуществами предъ родною ему страною; онъ полюбилъ ее пламенно, когда ближе ознакомился съ ея исторіею, вникнулъ въ ея духъ и характеръ и началъ прозрѣвать въ ея историческое назначеніе. И это живое, неподдѣльное чувство, проникая все его твореніе, переливается и въ сердце читателя, не закрывая однакожъ отъ глазъ его истины, а напротивъ изощряя его духовное зрѣніе и чутье. Наука многое можетъ прибавить къ этой исторіи, многое измѣнить въ ея подробности; но дай Богъ, чтобы одинъ и тотъ же духъ оживлялъ всегда и всѣхъ, разработывающихъ исторію нашего прошедшаго. Карамзинъ, какъ историкъ, не можетъ оставаться образцемъ для историковъ; но его чистый и разумный патріотизмъ, возвысившій въ немъ писателя до доблестнаго гражданина, не боявшагося говорить правду и предъ самою вѣнчанною Властію, достоинъ подражанія для всѣхъ сыновъ нашего отечества.

„Да цвѣтетъ Россія,“ восклицалъ достойный сынъ Россіи отъ глубоко преданнаго ей сердца своего,—„да цвѣтетъ Россія, по крайней мѣрѣ долго—долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!“

Россія будетъ цвѣсти,—отзовемся и мы на голосъ доблестнаго сына ея,—Россія будетъ цвѣсть долго—долго, если у ней не будетъ недостатка въ подобныхъ сынахъ на всѣхъ постахъ общественной дѣятельности, и если они не разучатся думать и вѣрить, что на землѣ дѣйствительно безсмертна одна душа человѣческая.

Пр. Н. Ѳаворовъ.

КІЕВЪ ВЪ БОРЬБѢ СЪ УНІЕЮ (1620—32).

(Эпизодъ изъ исторіи западно — русск. церкви.)

Едва ли когда западная православная Русь переносила такія жестокія насилія своей религіозной свободѣ, какъ во время владычества надъ нею Польши, при королѣ Сигизмундѣ III, въ періодъ сильнѣйшаго разгара уніи (1596-1632). И на долю тогдашней Украины и въ частности Кіева, какъ центра ея, выпала столь же печальная участь, какая постигла еще раньше Литву, червонную Русь и Волынь. Езуиты и увлеченные ими уніаты, хитро пользуясь преобладавшею на ихъ сторонѣ силою, не знали границъ своимъ преслѣдованіямъ и жестокостямъ въ отношеніи къ православнымъ. Они отнимали у кіевлянъ должности, имущество, дома и земли. Церковь православная была угнѣтена до послѣдней крайности; давно уже (1596-1620) кіевская митрополія была въ рукахъ уніатовъ, равно какъ и всѣ епископскія каѳедры въ западной Руси. Многіе кіевскіе храмы отняты были для уніатовъ, и софійскій соборъ также принадлежалъ имъ; кіевопечерскую обитель, которую нѣсколько разъ латиняне также пытались захватить себѣ, спасала для православныхъ только необыкновенная твердость ея иноковъ. *) Католики и уніаты завладѣли большею половиною православ-

*) Журн. мин. нар. просв. 1843. Декабрь опис. ларвы, 22.

наго города; бискупъ владѣлъ цѣлою частію Кіево подола, за каналомъ, до іорданской области и всѣмъ урочищемъ кожевниковъ; дворецъ бискупа помѣщался подъ горой Щековикой, а урядники его заняли Замокъ на Кудрявцѣ, принадлежавшемъ православнымъ и завладѣли всѣмимитрополичьими угодьями **).

Но всѣ эти бѣдствія православныхъ кіевлянъ не уничтожили однако въ нихъ непоколебимой вѣрности своей вѣрѣ и народности, чего такъ домогались враги православія. Какъ ни трудно было при такихъ бѣдствіяхъ отстоять православіе и русскую народность, православные однако оказались чрезвычайно сильны жившимъ въ нихъ духомъ вѣры и ревностію къ православію. Нельзя не остановиться съ изумленіемъ на такихъ передовыхъ личностяхъ того времени, какъ Іовъ Борецкій, Исаія Копинскій, Мелетій Смотрицкій (до обращенія его въ унію), Захарія Копыстенскій, гетманъ Петръ Сагайдачный, равно какъ и всѣ жители Кіева, Украйны и западной Руси. Городское кіевское сословіе, сильное въ то время своимъ магдебургскимъ правомъ и тѣсно соединенною корпораціею, было въ высшей степени полной твердой преданности къ православію. Стоитъ остановиться на этой славной борьбѣ православныхъ Украинцевъ съ врагами вѣры. Если послѣдніе въ борьбѣ этой обнаруживали свою силу внѣшнюю, проникнутую поразительно—низкою злобою и коварствомъ, то первые обнаружили примѣрную и удивительную въ исторіи твердость и ревность въ дѣлѣ защиты русскаго православія.

Особенно славнымъ и незабвеннымъ годомъ въ исторіи западно-русскаго православія и его борьбы противъ усилившейся на Руси уніи и латинства былъ 1620 годъ.

**) Опис. соф. соб. 150—151.

Въ этомъ году, проѣздомъ изъ Москвы, среди великаго поста прибылъ въ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, рукоположившій московскаго патріарха Филарета Никитича. Это случайное событіе сдѣлалось главнымъ, такъ сказать, узломъ всѣхъ важнѣйшихъ событій послѣдующаго времени. Случайность эта нашла богатѣйшіе элементы въ униженномъ, но бодромъ внутреннею силою вѣры и патріотизма, православномъ обществѣ, которое давно уже питало надежду и искало перваго случая, чтобы, въ отпоръ уніи и католицизму, снова утвердить въ Кіевѣ православную іерархію и церковь. Послѣ этого можно представить, какая радость наполнила сердца православныхъ при извѣстіи о пріѣздѣ въ Кіевъ греческаго патріарха. Прежде всѣхъ спѣшили встрѣчать и охранять ѣхавшаго въ Кіевъ патріарха украинскіе казаки, столько славные въ исторіи своею защитою православныхъ противъ ненавистныхъ латинянъ; козаки съ честію проводили Ѳеофана въ Кіевъ, отвели ему квартиру въ Богоявленскомъ братскомъ монастырѣ, и, по выраженію лѣтописи, „обточиша его стражею, аки пчелы матицу свою *). Скоро и всѣ кіевляне обратились къ православному іерарху съ своими задушевными желаніями и думали касательно возстановленія упавшей православной церкви и іерархіи; патріархъ постоянно былъ окруженъ православными всѣхъ сословій, людьми духовными и свѣтскими. Самая главная и первая просьба, съ какою православные отнеслись къ Ѳеофану, это была просьба о возстановленіи іерархіи для русской церкви и прежде всего о поставленіи въ Кіевѣ православнаго

---

*) Лѣт. густ. монастыря, стр. 11—12 въ чт. моск. общ. ист. 1848. № 8.

митрополита *). Патріархъ сначала отказывался удовлетворить просьбѣ православныхъ, боясь польскаго правительства, съ такимъ фанатизмомъ преслѣдовавшаго православную церковь и іерархію. Но православные, ссылаясь на польскія конституціи 1607, 9 и 18 годовъ, въ силу которыхъ русскому народу дозволена была независимая отъ уніатской и католической церковная іерархія, употребили всѣ мѣры, чтобы склонить патріарха на свои просьбы. Изъ Кіева отправлены были на варшавскій сеймъ послы съ настоятельнымъ требованіемъ отъ правительства дозволенія русскому народу возстановить православную іерархію. Правительство, хотя въ уклончивыхъ выраженіяхъ, согласилось на это **). Въ то время Польша, среди неудачной войны съ Турціею, съ которою въ союзѣ была Россія и Швеція, сама находилась въ очень затрудительномъ положеніи, такъ что ей было рѣшительно не до вмѣшательства въ дѣла кіевскія. Хотя возстановленіе православной іерархіи прямо противорѣчило коварному намѣренію іезуитовъ и польскаго правительства обратить Русь къ латинству, но, нуждаясь въ помощи казаковъ, правительство польское по необходимости вынуждено было допустить до времени религіозно-церковное движеніе, возникшее въ Кіевѣ. По этому король Сигизмундъ и нѣкоторые члены польскаго правительства даже писали въ Кіевъ Ѳеофану благосклонныя письма, прося у него вліянія на казаковъ для скорѣйшаго побужденія ихъ идти на вой-

---

*) Уніатскій митрополитъ виленскій и кіевскій Іосифъ Рутскій жилъ тогда въ Вильнѣ.

**) Бант. Камен. стр. 68.

ну съ Турціею въ защиту Польши *). Все это успокоивало православныхъ и патріарха, приступавшаго къ важному дѣлу возстановленія православной іерархіи. Къ печерскому празднику Успенія Богородицы въ Кіевъ, по обыкновенію, собралось огромное множество православныхъ украинцевъ всякаго сословія и званія; вѣсть о пребываніи въ Кіевѣ такого рѣдкаго и особенно дорогаго въ то время гостя привлекла сюда православныхъ даже изъ отдаленныхъ мѣстъ—Литвы, Галиціи, Волыни. Изъ разныхъ мѣстностей православныя общества присылали въ Кіевъ своихъ представителей къ патріарху съ просьбами о поставленіи избранныхъ обществами мужей на православныя епископскія каѳедры, занятыя доселѣ уніатами. Прежде всего кіевское общество избрало на здѣшнюю митрополичью каѳедру достойнѣйшаго мужа Іова Борецкаго, бывшаго въ то время игуменомъ кіево-михайловскаго монастыря; патріархъ торжественно рукоположилъ Іова въ печерскомъ монастырѣ въ самый праздникъ Успенія. Затѣмъ по просьбѣ и избранію православныхъ рукоположилъ еще шесть епископовъ. Согласно съ желаніемъ жителей княжества литовскаго и воеводства волынскаго, просившихъ патріарха подать и имъ, по выраженію лѣтописи, „святыню обновленія", Ѳеофанъ на епископію полоцкую, витебскую и мстиславскую рукоположилъ знаменитаго поборника православія, до обращенія его въ унію (1628 г.), Мелетія Смотрицкаго, бывшаго тогда настоятелемъ виленскаго свято-Духова монастыря **). Въ епископа перемышль-

*) См. weryficatia niewinności, (защищеніе невинности), соч. Мелетія Смотрицкаго, изд. въ 1621 г. виленскимъ братствомъ.

**) Густынская лѣтопись, 16.

скаго патріархъ посвятилъ игумена межигорскаго монастыря Исаію Копинскаго, мужа высокаго по строго-монашеской жизни. Затѣмъ рукоположены были, по избранію православныхъ, на епископію владимірскую (на Волыни) и брестскую игуменъ трехтемировскаго монастыря *) Іосифъ Курцевичъ, на епископію луцкую и острожскую—Исаакій Черчицкій изъ волынскихъ дворянъ, на епископію холмскую Паисій Пузина и на пинскую—Авраамій Стагонскій **). Усердіе патріарха къ дѣлу возстановленія православной церкви не ограничилось однимъ рукоположеніемъ для ней іерарховъ; въ бытность свою въ Кіевѣ онъ съ отеческою попечительностію употреблялъ всѣ мѣры къ возстановленію и благоустроенію монастырей, храмовъ и братствъ въ угнѣтенной западной Руси. Такъ Өеофанъ заботился о благосостояніи возникавшаго тогда кіево-богоявленскаго братства, и между прочимъ присоединилъ къ нему страннопріимное братство, обращенное послѣ въ бурсу, и ввелъ въ братскомъ училищѣ преподаваніе велико-славянскаго и латино-польскаго языковъ съ цѣлію дать православнымъ средства противостоять современной учености езуитовъ ***). Завѣщавъ православнымъ твердо стоять за свою вѣру и церковь, патріархъ подъ охраной казаковъ, которые и во все время пребыванія Өеофана въ Кіевѣ, въ числѣ трехъ тысячь человѣкъ, охраняли какъ его, такъ и самый городъ отъ враговъ православія, выѣхалъ наконецъ въ свое отечество (въ генварѣ 1621 г.) ****).

*) Кіевской губерніи, канев. уѣзда,—теперь тамъ с. Трахтомировъ.

**) Оп. соф. соб. 156.

***) — — — 159.

****) Густ. лѣт. 16.

Пользуясь пока тишиною и спокойствіемъ, такъ какъ Польша по преимуществу занята была войною съ Турціею (1620—21 г.), новопосвященные іерархи, по отъѣздѣ изъ Кіева патріарха, тотчасъ же приступили къ дѣлу водворенія въ угнетенномъ православномъ краѣ церковнаго благоустройства и къ дѣлу утвержденія среди православныхъ пострадавшей отъ уніи вѣры и благочестія. На кіевскомъ соборѣ (въ началѣ 1621 г.) епископы, предполагавшіе разъѣхаться по своимъ епархіямъ, предначертываютъ себѣ весь широкій планъ къ отраженію католицизма, проникавшаго на русскую почву въ формѣ уніи, и къ благоустроенію православной церкви и религіозно-нравственной жизни русскаго народа. Сожалѣя объ отпадшихъ въ унію людяхъ православныхъ, изъ которыхъ не устояли и такія представительныя лица, какъ напр. митрополитъ кіевскій Рагоза и архіепископъ полоцкій Поцѣй, соборъ епископовъ указываетъ и постановляетъ различныя правила и мѣры къ предотвращенію подобныхъ уклоненій въ унію на будущее время. Съ этою цѣлію постановлено, чтобы епископы прежде всего сами дѣятельно заботились о своей паствѣ и объ огражденіи всѣми способами православныхъ отъ волковъ—папистовъ. Епископы обязывались поставлять на служеніе церкви разумныхъ и строго-нравственныхъ священниковъ, и чрезъ нихъ распространять между православными религіозное просвѣщеніе и научать народъ законамъ и постановленіямъ православной вѣры и тому, чѣмъ она отличается отъ латинскаго вѣроисповѣданія. Епископы и священники должны были, въ отпоръ уніатамъ и католикамъ, полемизировать съ ними, опровергая всѣ ихъ лжеученія и клеветы на христіанъ, и должны были обращать къ православію папистовъ и происшед-

шихъ отъ нихъ аріанъ (соціанъ), лютеранъ и евангеликовъ *). Такъ сильно пробудилась, съ возстановленіемъ іерархіи, религіозно-церковная жизнь въ православномъ краѣ.

(Окончаніе будетъ.)

*) Памятники кіев. коммиссіи т. I. № 32.

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА ПРИ КІЕВСКОЙ СЕМИНАРІИ.

Въ свое время было заявлено о томъ, что съ открытіемъ при семинаріи класса педагогики должна открыться при ней, для практическаго ознакомленія воспитанниковъ съ педагогическими пріемами, и воскресная школа. Теперь мы можемъ заявить, что школа эта 16 октября текущаго года открыта; можемъ, хотя коротко, передать о томъ, какъ и откуда собрались щкольники, грамотные они или не грамотные, и какъ мы приступили къ дѣлу.

16 октября, послѣ литургіи, совершенной о. ректоромъ семинаріи, начальствующіе, учащіе и воспитанники собрались въ одну изъ классныхъ залъ семинаріи, гдѣ уже находились будущіе наши школьники. Здѣсь о. инспекторомъ семинаріи, въ сослуженіи двухъ іеромонаховъ, совершено было молебствіе предъ началомъ ученія—съ возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святѣйшему Синоду и Синода члену, высокопреосвященнѣйшему Арсенію, митрополиту кіевскому, учащимъ и учащимся въ семинаріи. Послѣ молебствія, о. ректоръ сказалъ нѣсколько словъ, обращенныхъ и къ будущимъ школьникамъ и въ особенности къ воспитанникамъ семинаріи—и затѣмъ назначилъ къ каждому школьнику особаго учителя по преимуществу изъ

воспитанниковъ высшаго отдѣленія, которые тотчасъ же и начали бесѣду, каждый съ своимъ ученикомъ, съ цѣлію узнать, что они знаютъ, умѣютъ ли читать и писать и т. п.

На первый разъ желающихъ учиться въ воскресной школѣ явилось не много—16 мальчиковъ. Это объясняется отчасти тѣмъ, что не было особаго оповѣщенія о томъ, что откроется школа и печатно не было заявлено о положительно опредѣленномъ времени ея открытія *),—а отчасти тѣмъ, что погода была дурная. Этимъ же конечно нужно объяснить и то обстоятельство, что изъ постороннихъ никто не пришелъ на этотъ случай. А слѣдовало бы хотя нѣкоторымъ изъ общества быть при открытіи той школы, которая имѣетъ между прочимъ цѣлію—дать возможность бѣднѣйшему классу рабочему безплатно научиться грамотѣ, письму, закону Божію и счисленію, а инымъ изъ городскаго ремесленнаго сословія возможность даже подготовиться къ поступленію въ одно изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Наше объясненіе и указаніе причинъ, по которымъ—на первый разъ такъ мало явилось школьниковъ, оправдалось на дѣлѣ. Какъ только мальчики, бывшіе при открытіи школы, распространили между своими товарищами слухъ о томъ,—охотниковъ записаться въ число учениковъ воскресной школы оказалось довольно, такъ что въ теченіи недѣли прибыло 33 человѣка и 23-го октября въ школѣ занималось уже 40 человѣкъ, не смотря на то, что изъ записавшихся, изъявившихъ охоту учиться, иные пришли подъ конецъ класса, иные оказались состоящими въ отлучкѣ по дѣламъ хозяйскимъ,—такихъ мы, разумѣется, не

*) Только въ кіевскихъ епарх. вѣд. и губернскихъ было заявлено, что откроется воскресная школа, не позже 15 октября.

включили въ число 40 мальчиковъ. Однимъ словомъ—какъ бы то ни было, а начало дѣла говоритъ, что желающихъ ходить въ воскресную школу будетъ довольно, слѣдовательно для воспитанниковъ семинаріи откроется полная возможность познакомиться практически съ педагогическими пріемами обученія и съ тѣмъ вмѣстѣ побужденіе—до времени вступленія въ дѣйствительное служеніе обществу въ званіи пастырей народа—пріучить себя удѣлять хотя часть своего учебнаго времени на пользу общественную. Надобно сказать правду, что воспитанники берутся за дѣло съ большой охотой; собственно говоря—благодаря усердію нѣкоторыхъ изъ нихъ и вниманію къ начинаемому дѣлу—явились на первый разъ въ школу упомянутые выше 16 мальчиковъ. Воспитанники побывали въ нѣкоторыхъ мастерскихъ и, объявивъ объ открытіи школы, разсказали, что требуется для поступленія въ оную и разъяснили, что затрудненій и препятствій не встрѣтится никакихъ.

Изъ числа желающихъ приходить въ воскресную школу—оказывается довольно ($^1/_3$) учениковъ изъ церковно-приходскихъ училищъ, а остальные ($^2/_3$) изъ рабочихъ, мастерскихъ. Желаніе послѣднихъ ходить въ воскресную школу и безплатно учиться—совершенно понятно; въ теченіе недѣли они, занятые ремесломъ, хозяйской работой, рѣшительно не имѣютъ времени даже какъ нибудь учиться,—развѣ кто самоучкой возъимѣетъ охоту,—и тотъ долженъ посвящать на это занятіе время, свободное отъ работы, удѣляемое на отдыхъ. Желаніе же учениковъ приходскихъ училищъ, аккуратно въ теченіи недѣли ходящихъ въ классъ, посѣщать и вокресную школу—сколько похвально, столько же и требуетъ объясненія. Сколько намъ приходилось слышать отъ

нихъ объясненія по этому предмету, они высказывали: слышали—де мы отъ товарищей своихъ, что тамъ хорошо, ласково обращаются, что тамъ бываетъ какой—то начальникъ и такъ хорошо, ласково говоритъ, что мы учиться будемъ тамъ же, гдѣ большіе семинаристы учатся и въ большомъ корпусѣ. Такое дѣтское объясненіе намъ кажется достаточнымъ. Не говоримъ о послѣднихъ двухъ пунктахъ объясненія ихъ, а хорошо, если первый ясно и сознательно понятъ ими. Что можетъ быть лучше для мальчика, котораго въ теченіи недѣли хозяинъ—сапожникъ или портной—не разъ и не два отдеретъ то за уши, то за волосы, то ремешкомъ постегаетъ, то подзатыльникомъ почеститъ, что лучше ласковаго добраго слова, привѣтливаго обращенія и терпѣливаго наученія? На первыхъ порахъ мальчики, пожалуй, будутъ относиться и, какъ я замѣтилъ, относятся къ ласкѣ и привѣту какъ-то еще надовѣрчиво, все таки боятся, думаютъ себѣ—можетъ—де это только сначала такъ, а тамъ и подерутъ пожалуй. Но если это обращеніе остается неизмѣннымъ, къ чему будутъ употреблевы всѣ старанія и чего можно вполнѣ надѣяться, и если мальчики увидятъ, что это не временное только, а постоянное: то отношенія между учащими и учащимися установятся самыя добрыя, истинно христіанскія. Въ этомъ отношеніи воскресная школа безспорно будетъ имѣть нравственное вліяніе на учащихся, вліяніе успокоительное, умиротворяющее духъ дѣтей, раздраженный безпричинными иногда побоями ихъ хозяевъ и нерѣдко самихъ родителей. Иной изъ дѣтей здѣсь, что называется, отдохнетъ душею.

Бывшихъ—на первомъ урокѣ въ воскресной школѣ мальчиковъ можно раздѣлить на три группы. Одни

(мальчиковъ десять) ровно ничего не знаютъ, безграмотны; другіе (двадцать мальчиковъ) или умѣютъ читать какъ нибудь т. е. складываютъ слова, но не всегда умѣютъ отличить одну букву отъ другой,—и писать не умѣютъ, или умѣютъ читать и писать, но съ большими ошибками противъ удареній, безъ правильной остановки на знакахъ препинанія, а пишутъ не дурно, или же умѣютъ читать по гражданской печати, но плохо или совсѣмъ не разбираютъ церковно-славянской, затрудняясь титлами; умѣющихъ читать по славянски, а не привыкшихъ къ гражданской печати—только одинъ, наконецъ третьи—и читаютъ и пишутъ удовлетворительно, читаютъ удачно повторяя и толково поясняя прочитанное (это большею частію ученики церковно-приходскихъ училищъ), знакомы съ первыми ариѳметическими понятіями и правилами, хорошо разсказываютъ изъ священной исторіи ветхаго завѣта, знаютъ церковныя молитвы. Такая удовлетворительная подготовка послѣднихъ къ школьнымъ занятіяхъ ясно высказалась въ первый же классъ,—и относительно ихъ будутъ приняты особыя мѣры,—ихъ нужно уже знакомить съ элементарными науками.

Что мы дѣлали въ первый классъ (23 октября)?

Къ вновь явившимся школьникамъ, (т. е. тѣмъ, которые не были при открытіи школы), опредѣленъ былъ—къ каждому,—особый учитель; размѣстились учащіеся, по данному знаку, на двѣ половины,—на одной сѣли ничего незнающіе и знающіе читать по гражданской печати, но неумѣющіе ни по славянски читать, ни писать,—а на другой сторонѣ помѣстились умѣющіе читать и писать,—и при томъ размѣстились такъ, что противъ каждаго ученика сидѣлъ его учитель. Учителя по-

лучили—каждый нужныя для своего ученика учебныя принадлежности: кто евангеліе на славяно-русскомъ нарѣчіи и бумагу предварительно разлинѣенную съ перьями и черниломъ, кто псалтирь, часословъ и аспидную доску для пріуготовительныхъ упражненій къ письму;—букварн, таблицы и подвижныя буквы *) заготовлены и розданы были прежде. Всѣ успокоились—и порядокъ на первый разъ былъ удовлетворительный; воспитанники семинаріи давали собою добрый примѣръ. Молитва „Царю Небесный“ пропѣта была всѣми бывшими въ классной залѣ,—хотя школьники на первый разъ видимо стѣснялись новизной дѣла; молитва предъ началомъ ученія „Преблагій Господи“ прочитана однимъ изъ воспитанниковъ семинаріи,—она и на будущее время будетъ читаться тоже воспитаниками семинаріи по очереди. Послѣ этого наставникъ педагогіи, онъ же и распорядитель школы, объяснилъ воскресное евангеліе, предварительно сдѣлавши краткія замѣчанія о томъ, что такое

---

*) Листы подвижныхъ буквъ, прилагаемые обыкновенно при «Руководствѣ къ обученію грамотѣ и счисленію» Ив. Главинскаго, оказались для нашихъ занятій не удобными по излишней величинѣ ихъ,—онѣ собственно предназначаются для обученія цѣлаго класса, чтобъ выставляемыя на доскѣ буквы видны были для всѣхъ; а у насъ, такъ какъ предъ каждымъ ученикомъ сидитъ особый учитель, потребовались буквы меньшаго размѣра и таковыя и наклеены на картонной бумагѣ; буквы—алфавита церковно-славянскаго и гражданскаго. Таблицъ для обученія чтенію и письму В. Золотова въ кіевскихъ книжныхъ магазинахъ не оказалось; вмѣсто ихъ оказываются весьма пригодными «Таблицы для обученія чтенію и письму», изданныя въ Кіевѣ. Онѣ сравнительно съ золотовскими гораздо дешевле.

св. евангеліе и почему чтенія изъ онаго должно слушать съ особеннымъ вниманіемъ и благовѣніемъ. По окончаніи объясненія евангельскаго чтенія,—съ Божіею помощію и въ добрый часъ начались самыя занятія,—и загудѣли учащіе и учащіеся (80 человѣкъ) какъ пчелы въ ульѣ.

Какъ занимались обученіемъ грамотѣ?

Нѣкоторыя вели обученіе по руководству И. Главинскаго, начиная съ гражданскихъ буквъ при помощи подвижныхъ, а большинство — по церковному букварю, начиная съ славянскихъ буквъ, тоже при помощи подвижныхъ; употребленіемъ этихъ пріемовъ обученія имѣется въ виду опредѣлить, что легче дается—славянская ли азбука послѣ гражданской, или же на оборотъ— гражданская послѣ славянской?. Всѣ употребляющіе эти пріемы—будутъ обучать письму послѣ ознакомленія учениковъ съ печатными буквами; а нѣкоторые обучали по таблицамъ совмѣстно чтенію и письму, тоже съ цѣлію узнать, что удобнѣе и успѣшнѣе, раздѣльное ли обученіе чтенію и письму, или же совмѣстное.

Какъ шло обученіе умѣющихъ читать по гражданской печати, а не знающихъ церковно славянской и не умѣющихъ писать?

Такихъ предварительно знакомили съ тѣмъ, что затруднительно при чтеніи по церковно-славянской печати, т. е. съ нѣкоторыми буквами, которыя не употребляются въ гражданской печати, съ титлами,—и это не по букварю, а прямо по часослову, псалтирю. Съ ними же производились пріуготовительныя упражненія на аспидной доскѣ съ цѣлію пріучить ученика къ правильному держанію пера, положенію руки и способствовать развитію его глазомѣра.

Какъ велось обученіе умѣющихъ читать и писать?

Такіе занимались объяснительнымъ чтеніемъ по евангелію на славяно-русскомъ нарѣчіи. На первыхъ порахъ конечно не мѣшало бы употреблять какую либо съ нарочитой цѣлію составленную и назначенную для первоначальнаго чтенія—книгу; но изъ всѣхъ возможныхъ книгъ въ этомъ родѣ, по нашему понятію, вполнѣ пригодныхъ и полезныхъ для подобныхъ упражненій—только двѣ; это: „*Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ*", изданная управленіемъ кіевскаго учебнаго округа, и *Пчела*—сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи, составл. Н. Щербиной. Къ сожалѣнію, этихъ книгъ въ кіевскихъ книжныхъ магазинахъ нѣтъ; да первой, сколько намъ кажется, и не будетъ; а что касается послѣдней, надѣемся, что нѣсколько экземпляровъ втораго ея изданія выпадетъ и на долю Кіева—и на нашу долю. Впрочемъ чтеніе по евангелію, въ связи съ предшествующимъ ему объясненіемъ воскреснаго евангельскаго чтенія, имѣетъ свой смыслъ и очень умѣстно. Большинство учителей предложили своимъ ученикамъ читать именно тѣ стихи изъ 8-й главы евангелія отъ Луки, которые читались на литургіи и объяснялись наставникомъ педагогіи. Упражненія въ письмѣ производились на память, подъ диктовку; съ прописей писали очень не многіе. Съ цѣлію узнать, на сколько поняли школьники объясненіе воскреснаго евангелія, нѣкоторые изъ учителей старались спрашивать и тѣхъ изъ нихъ, которые еще мало умѣютъ и даже безграмотныхъ; оказывается,—есть надежда, что со временемъ объясненія евангелія будутъ для нихъ удобопонятнѣе и вразумительнѣе, чѣмъ на первый разъ, если только учители поставятъ себѣ въ обязанность—повторять объясненное посредствомъ сократическаго пріема—

т. е. если они будутъ давать умѣстные и искусные вопросы, предоставляя отвѣчать самимъ ученикамъ такъ, чтобы рядомъ вопросовъ учителя и своихъ отвѣтовъ ученикъ самъ пришелъ къ познанію уясняемаго предмета.

Среди занятій, по данному распорядителемъ знаку, была пропѣта также всѣмъ класомъ молитва „Богородице Дѣво—радуйся,“ послѣ которой занятія продолжались, смотря по характеру, ихъ или въ томъ же родѣ, или съ перемѣною—напр. чтенія - на письмо. Въ заключеніе была прочитана тѣмъ же воспитанникомъ семинаріи молитва послѣ ученія—„Благодаримъ Тебѣ“ и пропѣта всѣми молитва“ Достойно есть“. Занятія продолжались часъ и три четверти—отъ 11 часовъ до 3/4 1-го часа. Время для занятій въ воскресной школѣ, по первому заявленію, назначаемое до поздней литургіи, по многимъ обстоятельствамъ и соображеніямъ оказалось не совсѣмъ удобнымъ, какъ для приходящихъ школьниковъ, такъ и для самыхъ воспитанниковъ.

Характеръ обозначенныхъ въ настоящей замѣткѣ занятій по возможности сохранится въ нашей воскресной школѣ неизмѣннымъ,—именно: начинаться онѣ будутъ пѣніемъ молитвы „Царю небесный“ всѣмъ классомъ, чтеніемъ молитвы предъ началомъ ученія, объясненіемъ евангельскаго чтенія наставникомъ педагогіи,—въ половинѣ класса будутъ онѣ прерываться на время пѣніемъ тоже какой либо церковной молитвы или пѣсни;—чтеніе молитвы послѣ ученія и пѣніе всѣмъ классомъ молитвы „Достойно есть“ будутъ заканчивать занятія, такъ что урокъ, по своему характеру, будетъ служить какъ—бы продолженіемъ богослуженія, по крайней мѣрѣ—напоминать собою часы богослуженія. Что же касается подготовки воспитанниковъ семинаріи къ школьнымъ занятіямъ: то,

кромѣ уроковъ наставника, имѣющихъ содержаніемъ своимъ указаніе и разборъ способовъ первоначальнаго обученія грамотѣ и элементарнымъ наукамъ и слѣдовательно прямо подготовляющихъ ихъ къ занятіямъ въ воскресной школѣ, воспитанники въ теченіи недѣли не разъ ведутъ бесѣду между собою по этому дѣлу и совѣщаются съ наставникомъ педагогіи, собираясь къ нему по нѣскольку человѣкъ разомъ. За тѣмъ,—послѣ занятій въ воскресной школѣ, они дѣлаютъ коротенькія замѣтки о томъ, что они дѣлали, чѣмъ занимались въ теченіи класса, и что намѣрены дѣлать на слѣдующій разъ,—при чемъ дѣлаютъ свои посильныя соображенія о томъ, какъ бы лучше вести дѣло обученія,—и все это представляется наставнику педагогіи. Въ свое время мы сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ изъ ученическихъ замѣтокъ, чтобъ показать интересующимся этимъ дѣломъ, насколько воспитанники семинаріи заинтересованы этимъ занятіемъ и какъ подготовляются къ нему.

Въ заключеніе не лишнимъ считаемъ предъявить, что въ настоящее время, когда оканчиваются эти строки, число желающихъ учиться въ воскресной школѣ доходитъ уже до 65 человѣкъ; одна классная зала тѣсна уже будетъ для помѣщенія,—нужно открыть другую.

И. Э.

ИЗВѢСТІЯ.

— 1-го декабря Кіевъ торжественно праздновалъ столѣтнюю годовщину рожденія славнаго русскаго исторіографа и втораго преобразователя русскаго слова Николая Михаиловича Карамзина. Это весьма замѣчательное національное торжество продолжалось, можно сказать, непрерывно въ теченіе цѣлаго дня съ особеннымъ воодушевленіемъ.

Праздникъ начался въ 10 ч. утра богослуженіемъ въ университетской церкви, которое совершалъ высокопреосвященный митрополитъ кіевскій Арсеній съ 2 архимандритами: ректоромъ семинаріи и инспекторомъ академіи, и 4 протоіереями: профессоромъ университета Н. А. Ѳаворовымъ, и законоучителями гимназій. При богослуженіи присутствовали помощникъ командующаго кіевскимъ военнымъ округомъ генералъ-лейтенантъ Козляниновъ, г. попечитель учебнаго округа и его помощникъ, ректоръ университета съ профессорами, директоры и преподаватели обѣихъ гимназій, воспитанницы фундуклеевской женской гимназіи, студенты университета, воспитанники обѣихъ мужескихъ гимназій и множество лицъ, не принадлежащихъ къ учебному сословію. По окончаніи божественной литургіи, совершена была высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ соборнѣ панихида по Н. М. Карамзинѣ, на которой профессоръ богословія

Ѳаворовъ сказалъ, въ память виновника торжества, слово. Указавъ кратко на его заслуги, какъ писателя и гражданина, краснорѣчивый нашъ ораторъ подробно, съ воодушевленіемъ и сердечною теплотою, изобразилъ его, какъ человѣка и христіанина. За *вѣчною памятью* незабвенному Карамзину, провозглашено было многолѣтіе Государю Императору и всему царствующему Дому, тѣмъ и окончилось церковное празднованіе.

Непосредственно затѣмъ слѣдовалъ академическій актъ въ честь Карамзина *). Давно не запомнятъ такого многочисленнаго собранія публики въ торжественной актовой залѣ университета св. Владиміра. Актъ, посвященный памяти великаго русскаго человѣка, почтили своимъ присутствіемъ его высокопреосвященство митрополитъ Арсеній, преосвященный викарій кіевской митрополіи Порфирій, попечитель учебнаго округа князь А. Ширинскій-Шихматовъ, кіевскій комендантъ генералъ-лейтенантъ Новицкій, т. с. М. В. Юзефовичъ, кіевскій вице-губернаторъ Гессе и множество другихъ лицъ города всѣхъ сословій. Предъ портретомъ Государя Императора, въ полукружіи изъ свѣжихъ растеній, стоялъ увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ бюстъ незабвеннаго исторіографа, на колоннѣ обвитой зелеными вѣтвями, между которыми вставлены были заглавія важнѣйшихъ произведеній Карамзина. Актъ открытъ пѣніемъ молитвы „Царю небесный". Первую рѣчь произнесъ профессоръ русской словесности А. И. Селинъ. Изобразивъ вѣкъ Екатерины, воспитавшій Карамзина, и ту среду, изъ которой онъ вышелъ (дружеское общество), онъ

*) Актъ праздновался съ Высочайшаго соизволенія, испрошеннаго, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 23 день ноября сего года.

разсмотрѣлъ сперва журнальную, а потомъ собственно литературную дѣятельность Карамзина и указалъ на преобразованія, произведенныя имъ въ русской словесности. Сказанная съ свойственнымъ оратору воодушевленіемъ рѣчь профес. Селина вызвала громкія рукоплесканія публики. Вслѣдъ за ними раздались торжественные звуки университетскаго хора: пѣли строфы изъ оды Карамзина „на торжественное коронованіе Его Императорскаго Величества Александра I, Самодержца Всероссійскаго", весьма удачно положенныя на ноты мѣстнымъ артистомъ г. *Ясинскимъ* и очень хорошо исполненныя хоромъ:

Россія торжествуй со славой!
Се юный Царь, краса людей,
Пріялъ вѣнецъ и скиптръ съ державой,
Чтобъ быть примѣромъ для Царей!
Возстань, ликуй, народъ великій!

Публика была видимо приведена въ патріотическій восторгъ и требовала повторенія оды. Вторую академическую рѣчь читалъ проф. Линиченко. Разсматривая заслуги Н. М. Карамзина въ отношеніи къ преобразованію русскаго слова, онъ сдѣлалъ нѣсколько примѣненій къ настоящему, указалъ на великое значеніе Карамзина въ исторіи русскаго литературнлго языка, на его высокое гражданское мужество среди литературной войны, возникшей изъ-за его преобразованій и заключилъ указаніемъ на глубокое патріотическое чувство любви къ отечеству, служившее источникомъ всѣхъ дѣйствій втораго преобразователя русскаго слова. Громкія рукоплесканія публики провожали оратора, когда сходилъ онъ съ каѳедры.

Послѣдній говорилъ орд. проф. Гогоцкій. Въ рѣчи

своей проф. Гогоцкій показалъ великое значеніе юбиляра въ отношеніи къ отечественной исторіи, изобразилъ высокій нравственный характеръ, лежащій въ основѣ его историческихъ взглядовъ и сужденій, громадность безпримѣрнаго труда, художественность характеристикъ, высокую любовь къ исторической правдѣ. Еще разъ повторились рукоплесканія, когда окончилъ свою рѣчь проф. Гогоцкій. Торжественное чествованіе славнаго русскаго исторіографа въ университетѣ окончилось въ 3 часа русскимъ народнымъ гимномъ „Боже царя храни“. Многочисленное общество видимо было воодушевлено; Слышалось съ разныхъ сторонъ: „благодаримъ, благодаримъ; вы растрогали наше русское сердце.“ Въ это же время отправлены были поздравительныя телеграммы: въ Императорскую академію наукъ, въ московскій университетъ и въ г. Симбирскъ.

Такъ окончилось собственно академическое чествованіе памяти славнаго писателя.

—Высочайшимъ указомъ по военному вѣдомству 29 ноября, назначаются: состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ генералъ-маіоръ *фонъ-Галлеръ*—волынскимъ губернаторомъ; волынскій губернаторъ, Свиты Его Величества генералъ-маіоръ *Эйлеръ*—кіевскимъ губернаторомъ, съ оставленіемъ въ Свитѣ Его Величества, на мѣсто генералъ-лейтенанта *Казнакова*, который, согласно прошенію, увольняется въ отпускъ, въ Россію и за-границу, на 11 мѣсяцевъ, съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„МОСКВА"

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА,

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

будетъ выходить въ Москвѣ съ 1-го января 1867 года, подъ редакціей бывшаго издателя газеты «День» И. С. Аксакова.

Распространяться о направленіи новой газеты едва ли нужно. Для тѣхъ, кто знакомъ съ Русскою журналистикою за послѣднія десять лѣтъ, оно достаточно опредѣляется всею прежнею дѣятельностію редактора; для лицъ же совершенно чуждыхъ литературы, наше объясненіе, въ тѣсныхъ предѣлахъ программы, объяснило бы очень немногое. Ограничимся заявленіемъ, что газета «Москва», обезпечивъ себѣ, посредствомъ внесенія залога, «изъятіе отъ дѣйствій предварительной цензуры», будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

I. Манифесты, указы, правительственныя распоряженія; движеніе по государственной службѣ.

II. Телеграммы, политическія и торговыя, какъ изъ-за границы, такъ и изъ внутри Россіи. Соглашеніе съ Русскимъ Телеграфнымъ Агентствомъ даетъ намъ право надѣяться, что въ этомъ отношеніи Петербургъ не будетъ уже имѣть преиму-

щества предъ Москвою, какъ прежде. Телеграммы Русскаго Агентства, учреждающаго съ будущяго года отдѣленіе своей конторы въ Москвѣ, будутъ приходить въ Москву почти одновременно съ Петербургомъ и появляться въ нашей газетѣ въ одинъ день съ появленіемъ ихъ въ Петербургскихъ изданіяхъ. Особенное вниманіе будетъ обращено на полноту и вѣрность коммерческихъ телеграммъ, заграничныхъ и внутреннихъ, какъ о денежномъ и вексельномъ курсѣ, такъ и ходѣ торговли важнѣйшими товарами, примѣнительно къ потребностямъ Русскаго купечества.

III. Статьи передовыя по вопросамъ внѣшней и внутренней политики, законодательства, промышленности, торговли, финансовъ, и вообще по всѣмъ замѣчательнымъ явленіямъ Русской государственной и общественной жизни.

IV. Отдѣлъ внѣшней политики: дневникъ политическихъ новостей, или послѣднихъ извѣстій, извлеченныхъ изъ иностранныхъ газетъ; политическія обозрѣнія, статьи, корреспонденціи изъ-за границы. Сюда же примыкаетъ и

V. Славянскій отдѣлъ, посвященный, исключительно, извѣстіямъ и статьямъ о судьбѣ Славянскихъ племенъ внѣ предѣловъ Россіи и о положеніи такъ называемаго восточнаго вопроса.

VI. Отдѣлъ внутренней жизни: извѣстія и статьи по предметамъ нашего внутренняго государственнаго и общественнаго, матеріальнаго и духовнаго устройства.

VII. Областной отдѣлъ, т. е. корреспонденціи изъ губерній, извлеченія изъ губернскихъ газетъ и обозрѣнія.

VIII. Отдѣлъ экономическій. Мы желаемъ устроить этотъ отдѣлъ такимъ образомъ, чтобъ онъ могъ служить постояннымъ, полнымъ и вѣрнымъ выраженіемъ всѣхъ истинныхъ интересовъ и потребностей Русской промышленности и торговли. Мы предполагаемъ помѣщать въ этомъ отдѣлѣ (завѣдываніе которымъ принимаютъ на себя люди хорошо знакомые съ теоретической и практической, съ научной и съ жизненной сторо-

ной Русскихъ экономическихъ задачъ), кромѣ спеціальныхъ статей, также и корреспонденціи, торговыя и биржевыя, изъ-за границы и изъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ Россіи, равно какъ и различныя свѣдѣнія и извѣстія обо всемъ, что можетъ имѣть значеніе для Русскаго коммерческаго міра.

IX. Отдѣлъ судебной лѣтописи: отчеты о замѣчательнѣйшихъ уголовныхъ и гражданскихъ процессахъ въ Московскихъ и иногородныхъ судебныхъ мѣстахъ.

X. Отдѣлъ литературный: критическія рецензіи и замѣтки о наиболѣе выдающихся произведеніяхъ Русской литературы, преимущественно о книгахъ, издающихся для школъ и для народа; полемика; небольшіе разсказы и описанія; отчеты о Московской публичной жизни, о театрахъ, выставкахъ и т. д.

Мы надѣемся, что всѣ, сочувствовавшіе «Дню», поддержатъ своимъ сочувствіемъ и новое наше изданіе. Мы приглашаемъ вновь на совмѣстный трудъ всѣхъ бывшихъ нашихъ сотрудниковъ и корреспондентовъ. Впрочемъ, въ числѣ лицъ, въ постоянномъ содѣйствіи которыхъ мы увѣрены, мы имѣемъ право назвать уже и теперь: *Ю. Ѳ. Самарина*, *Ѳ. В. Чижова*, *И. К. Бабста*, *Н. П. Гилярова-Платонова*, *А. Н. Попова*, *А. Ѳ. Гильфердинга*, *В. И. Ламанскаго*, *В. В. Григорьева*, *М. О. Кояловича*, кромѣ многихъ другихъ, также обѣщавшихъ принять участіе въ нашей газетѣ.

Намъ остается сказать, что газета будетъ выходить листами большаго формата, ежедневно, кромѣ дней, непосредственно слѣдующихъ за табельными праздниками, и что въ ней могутъ помѣщаться и частныя объявленія, по особенной таксѣ.

Цѣна газетѣ «МОСКВА»:	на годъ,	на полгода.
Безъ доставки	12 руб.	7 руб.
Съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города	15 —	8 — 50 коп.

Священно-служителямъ Западнаго края дѣлается уступка: на годъ 7 руб., на полгода 4 р. съ пересылкой.

Редакторъ-издатель **И. Аксаковъ**

ОБЪ ИЗДАНІИ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАЛА

«ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ»

въ 1867 году.

Изданіе журнала «Душеполезное Чтеніе», при помощи Божіей, будетъ продолжаемо въ 1867 году на прежнихъ основаніяхъ. Редакція постарается остаться вѣрною своей первоначальной задачѣ—предлагать любителямъ духовнаго чтенія—чтеніе общеназидательное и общепонятное.

«Душеполезное Чтеніе» по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно. Въ теченіе года изъ 12 ежемѣсячныхъ книжекъ составится три части, около 550 страницъ въ каждой.

Цѣна годовому изданію въ Москвѣ: 3 руб. сер., съ доставкою на домъ 3 р. 50 к., и съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи 3 руб. 50 коп. сер.; по той же цѣнѣ продолжается подписка на изданіе за 1866 годъ.

Подписка на «Душеполезное Чтеніе» принимается:

Въ Москвѣ: въ домѣ редактора, священника Николаевской въ Толмачахъ церкви, Василія Нечаева.

Печ. дозв. 15 декабря. Кіевъ 1866 г. Цензоръ *Н Щеголевъ.*

Въ типографіи Федорова.